

Часть первая

ПОД ЗНАКОМ
ВЕНЕРЫ
И МАРСА

Глава I

Герой начинает свое жизнеописание, блистательно участвует в застольной беседе, небезвинно подвергается гонению и возвращается в естественное человеческое состояние

«Я появился на свет в июне, отчего ученый родитель думал наречь меня Юнием в воспоминание высоко естимованного им первого республиканца Луция Юния Брута, однако же приходской священник не сыскал в святцах такого мужеского прозвания и отказался крестить под ним младенца, вследствие чего отец удовлетворился менее звучным Луцием, и меня ввели в христианский мир под вовсе немудрящим именем Луки.

Рождение мое было омрачено прискорбным событием, смертью матушки, которая успела еще увидеть свое чадо и даже, говорят, поцеловать меня, а после сразу же испустила дух, измученная, но довольная.

Смерть ее не была обычною, какая часто постигает несчастливых рожениц, но следствием обдуманного решения. Моя родительница, о которой я слышал от отца много удивительного, по своему телосложению не пита-

ла надежд на материнство, имея чрезвычайно узкие, мальчишеские бедра. Все лекари предупреждали, что она навряд ли сможет разрешиться от бремени. Посему — как со своим всегдашним почтением к физиологии еще в детстве рассказывал мне отец — они с супругой, пылкие и молодые, позволяли себе тешиться страстью лишь в те дни месяца, когда жены не могут понести. Однако на тридцать пятом году жизни матушка заболела чахоткою и, зная, что скорая смерть все равно неминуема, запутала доверчивого мужа в женском календаре и обеременилась. В последнюю пору своей жизни она говорила, что чем долго и бесплодно умирать от кровохаркания, лучше уж смерть быстрая и к тому ж не напрасная, а производящая на свет новое существо. Подозреваю, впрочем, что занимало ее не столько новое существо, которого она знать не знала, сиречь моя скромная особа, а вдовство ее дорогого супруга. Должно быть, мать ласкалась надеждой, что, имея малютку сына, вдовец не позволит себе зачахнуть от горя. Это несомненно и случилось бы, так как сии супруги любили друг друга любовью, которой в мире почти что и не бывает.

Матушка была женщина умная, обстоятельная. Когда пришло время, в доме уже жил врач, умевший извлекать непроходного младенца через утробу посредством хирургической операции, которая спасает дитя, но обрекает роженицу на гибель вследствие истечения кровью.

Так и случилось, что я вышел на белый свет под ножом, из разверстого чрева, сопровождаемый столами матери и рыданиями отца. Произошло сие важное для нашей семьи, но несколько не значительное для гистории событие 18 июня 1733 года, в правление царицы Анны.

По двадцати лет службы переводчиком в Иностранной коллегии отец достиг обер-секретарского чина, то есть сделался особой восьмого класса и потомственным дворянином. Когда нашу фамилию, причисленную в ряд благородных, записывали в родовую книгу, он, по чудаческим своим убеждениям никогда не бравший и не дававший взятку, отступил от сего неукоснительного правила и дал протоколисту Герольдмейстерской конторы некую мзду, дабы сделаться из просто «Иноземцева» — «Иноземцевым-Катиным», в память о незабываемой супруге Кате, и в дальнейшем, знакомясь с новыми лицами, представлялся им лишь второю частью фамилии, к чему с детства приучил и меня. Так вышло, что, явившись в мир Лукой Иноземцевым, ныне я зовусь Луцием Катиным, каковое имя, по видимости, и будет высечено на моей гробнице в предназначенное Судьбою время.

В день пятнадцатого моего рождения отец обратился ко мне с речью, которую я не позабуду до окончания своих дней.

«Сын мой, я ведаю, что много виноват пред тобою. Хоть я и заботился о твоём воспитании столь усердно, сколь мог, никогда я не мог любить тебя всем сердцем, ибо оно разбилось, когда ты стал безвинным поводом кончины твоей матери. Все последующие годы я не жил, но лишь исполнял обещание, данное на смертном ее одре, — не покидать тебя до зрелого твоего возраста. Ныне ты перешел из отроческого состояния в юношеское, и обет мой исполнен. Знай, что я не оставляю тебе никакого земного состояния. Я продал наш дом и все скромное наше имущество, дабы внести плату за твое обучение в гимназическом пансионе Академии-де-сиянс, где в течение трех лет ты будешь получать

кров, стол и самое главное — знания. Это лучшее из всего, что я могу тебе предоставить для жизненного похождения. Будь храбр с людьми, а более всего с самим собою; не гнись перед сильными и не сгибай слабым; обзаведись убеждениями и не предавай их; когда же вблизи засияет счастье, а это непременно случится, умей его распознать и держись за него крепко. Меня же прости. Ныне отпущенный, желаю воссоединиться в космическом эфире с тою, которая давно меня ждет».

Выслушав сие напутствие, более уместное не для нашего практического столетия, а для древних стоических времен, я испугался. Разговоры о «космическом эфире», куда попадают души умерших, случилось мне слышать и раньше. Знал я и что мой любомудрый pater слов на ветер не бросает. Всю ночь я провел под дверью его спальни, подглядывая через щелку, не намерен ли он испить яду по примеру любимого им Луция Сенеки, второго моего тезоименитца. Ничего подобного не последовало. Легши и загасив свечу, отец крепко заснул и более ни разу не пошевелился. Но когда на рассвете, наконец обеспокоенный этой недвижимостью, я осторожно приблизился к постели, то нашел его бездыханным, с застывшею полуулыбкой на холодных устах. Яков Иноземцев-Катин переместился в иное, непостижимое земному разуму пространство, которое для смертных суть лабиринф и загадка. Тленная, малозначительная часть счастливого покойника нашла мир в могиле, где обретались останки той, по ком он столь неутешаемо тосковал. Вот каков был мой производитель на свет, немало не схожий с другими отцами.

Ныне оба мои родителя парят в космическом эфире, я же пока обитаю на низменной земле, где меня манят, всяк в свою сторону, два здешние эфира, противобор-

ствующие и несовместные. Один — Флогистон, жаркая и летучая субстанция сердечной чувствительности; другой — Рациональ, холодный и беспощадный флюид умопоклонства. Чей зов окажется сильнее, ведает один Зиждитель, то есть никто не ведает, ибо современную наукой установлено, что никакого Бога нет, а есть лишь Природа и слепой Фатум».

Дописав эту фразу, чрезвычайно ему понравившуюся умудренностью, Луций перечел зачин своего жизнеописания, присыпал страницу сеяным песком и сдул. Идея регистрировать события, впечатления и размышления пришла ему в голову не далее как нынче утром, и молодой человек, в котором склонность к неспешному умствованиям соседствовала с быстротой поступков, сразу же взялся за дело. Пока писал, успел и поднять глаза в потолок, и повздыхать, и даже смахнуть не единственную слезу, но закончил с улыбкой. Он еще присовокупил на титульной странице превосходное название: «Приключения и рассуждения Луция Катина под знаком Венеры и иных божеств в различных землях, водах и эфирах», хоть пока никуда еще не странствовал и никаких вод, кроме невских, не видывал.

Размяв затекшие от сидения члены сладостным потягиванием, молодой человек подошел к окну и распахнул раму, впуская холодный воздух. Куцый ноябрьский день уже клонился к исходу.

Подошло время предвечернего туалета, который у Луция был по-спартански прост. Снаружи на подоконнике ждал кувшин с водой, подернувшейся тонкой ледяной коркой и поблескивавшей снежинками — в городе уже установилась зима. Нисколько тем не смутившись, юноша скинул жилет и рубаху, разбил лед и, окуная мочалку, стал с наслаждением обтираться, еще и

побрякивал. Сызмальства приученный к телесной стойкости, он никогда не мерз, даже в мороз ходил без шубы и в самой легкой шапке.

Предаваясь гигиенической процедуре, Луций смотрел не вниз, во двор, представлявший собой зрелище прозаическое (конюшня, хлев, запятнанный навозом снег), а вверх, в петербургское небо прекрасного серого оттенка. Жительство в чердаке, определенное скромной позицией домашнего учителя, нашего героя не печалило, а радовало: выше были только светила да надкрышные трубы.

Одна из сих труб, возвышавшаяся над кровлей противоположного флигеля, вдруг привлекла внимание Луция неким шевелением. Удивленный, он опустил взор от облаков чуть ниже и увидел, что из-за кирпичной грани высовывается краешек белого кружевного чепца. Такой носила только одна из обитавших в усадьбе особ, а именно Луциева ученица Ульрика Карловна, по-домашнему Ульхен.

Катин и раньше, случалось, ловил на себе ее особенный, украдочный взгляд, но чтобы вылезти на крышу и подглядывать за умыванием учителя — такого еще не бывало. Иль, может быть, он просто не замечал?

Луций поскорее прикрыл окно, задвинул занавеску, вздохнул. Девица трудного пятнадцатилетнего возраста, отец ее груб и бесчувственен, у мачехи ветер в голове. Полусирота заслуживает компасии, однако ж вояжам на крыше следует положить предел. Не дай бог поскользнется на обледеневшей жести...

Педагогическая наука не давала инструкций, как вести себя в подобной оказии. Надо будет найти у Руссо то место про одоление низменных инстинктов и прочесть Ульрике Карловне на уроке французского, но

с самым невинным видом, поделикатнее, дабы не ранить юную душу. Удовлетворенный этим решением, Луций оделся и вышел на узкую лестницу. Было время ужина, о чем требовательно напоминал здоровый молодой стомах.

В доме Буркхардтов с учителем не церемонились, обычно он столовался на кухне, со старшею прислугой, чем нимало не печалился, ибо общество хозяина не доставляло юноше никакого удовольствия, а близость хозяйки порождала неловкость. С дворецким Францем Гиацинтовичем и старшей горничной Федотьей Ивановной кушалось проще и спокойней, пища была здоровей, да и беседа оживленней, но сегодня учитель не обрел этих простых радостей. На ступеньках его остановил комнатный лакей и передал распоряжение господина полковника: одеться в праздничное, зайти за барышней и вместе с нею тотчас же быть к ужину.

Луций догадался, в чем причина. Давеча во двор въехала нарядная карета четверкой. Стало быть, пожаловал какой-то важный гость и полковник желает распустить перед ним хвост: показать, что держит в услужении человека, знающего языки и науки. Учителя звали к господскому столу только в таких случаях.

Делать нечего. Луций вернулся в комнату, надел свой голубой, совсем немного истрепавшийся на обшлагах камзол, повязал галстух, переобулся в башмаки с посеребренными пряжками, расчесал волосы и перевязал их сзади лентой. Парика он не носил, однако длинные, самую природой завитые золотистые локоны, слегка подкрученные на висках, отлично сходили за букли. Глаза у молодого человека были синие и ясные, только очень уж большие и далековато расставленные, а из-за широких скул вовсе казавшиеся в пол-

лица. Это, пожалуй, придавало Луцию некоторое сходство с котом.

Юноша провел перед зеркалом изрядное количество времени, так как считал уход за внешностью долгом всякого цивилизованного человека, и когда наконец спустился в бельэтаж за ученицей, та уже ждала его в дверях светлицы с нахмуренными бровями. Выходить к гостям без сопровождения юной барышне было бы неприлично, и Луций подумал, что Ульхен сердита от нетерпения, но ошибся.

— Я знаю! — воскликнула медхен, блестя глазами. Она быстро обучилась чисто говорить по-русски, не то что ее солдафон родитель. — Вы сейчас будете стыдить меня! Вы видели меня на крыше!

Смущенной она не выглядела. Смутился Луций.

— За что же вас стыдить? — пролепетал он. — Вы, верно, желали полюбоваться небом...

Но девица была с характером. Предложенной уловкой она не воспользовалась.

— Ничего подобного! Я даже рада, что всё раскрылось!

— Что «всё»? — удивился Катин.

— Что я подглядываю за вами! Каждый день! И утром, когда вы делаете гимнастические экзерциции в одних подштанниках! Желаете знать почему?

— Нет! — малодушно воскликнул он, но решительную барышню это не остановило.

— Потому что я безумно обожаю вас! Меня кидает в дрожь, едва я вас увижу! Вы — единственный резон моей злосчастной жизни! — На глазах у Ульрики Карловны выступили прекрупные слезы. — А ежели я для вас только девчонка, то так и знайте — я жить не стану! Пусть лучше Всевышний призовет меня в свои недра!

Я не нахожу более ничего, что меня прельщало бы на сем свете!

— Погодите, — попробовал остановить ее изливания Луций. — Это же строки из «Клариссы», которую мы с вами давеча читали в российском переводе. Право, я более не стану знакомить вас с современными романами. Под их воздействием вы выдумываете себе чувства, каковых по вашему детскому возрасту испытывать еще не можете. Точно так же я в четырнадцать лет вообразил, что влюблен в соседскую булочницу-чухонку.

Но барышню было не сбить.

— Да! Я говорю словами из романа! — в запальчивости вскричала она, блестя мокрыми глазами. — Однако если я не могу сыскать подлинных слов, это не означает, что у меня нет подлинных чувств!

Невзирая на щекотливость ситуации, педагог в Катине не мог не отметить, что это недурно сказано, и мысленно поставил ученице «весьма похвально».

— ...Вы молчите... — всхлипнула Ульрика Карловна. — Ах, я знаю, в чем дело! Во всем виновны эти проклятые прыщи! — Она раз и другой сильно шлепнула себя по щекам, в самом деле украшенным обычной подростковой сыпью. — Я погибла, коль вы не ответите мне взаимностью...

И тут же, безо всякого перехода, обратилась от девичьей меланхолии к холерическому припадку:

— Нет, я догадалась! Причина вашей холодности — моя мачеха! Эта мерзкая сарделька завладела вашим сердцем! Я убью ее и себя!

Здесь Луций пришел в еще большее смятение, ибо догадка буйного ребенка была не столь далека от истины. Госпожа Буркхардт, немного напоминавшая упомянутое колбасное изделие розовостью пухлого лица и приятной округлостью форм, действительно имела некоторую власть — пускай не над сердцем, но над физической оболочкой нашего героя.

Потому, не желая оборота жаркой беседы в опасном направлении, он поспешно сказал:

— Помилуйте, Ульхен, я сердечно вас люблю...

Девушка вновь обнаружила способность к радикальной смене эмоций. Просияв, она схватила учителя за руки и возопила:

— Коли так, обними же меня, сердешный друг! Знай, я уж всё продумала. Ночью мы бежим в Гатчину, а домашним оставим записку, что утопились в Неве от невозможности сойтись узами. Сами же снимем хижины и будем жить в лесу, как Дафнис и Хлоя! Я натаскала у папеньки денег, целых тридцать рублей!

Бедный Луций не знал, как на это отвечать, и лишь тщетно пытался высвободить стиснутые пальцы. Спас его все тот же лакей, присланный хозяином поторопить дочь.

— Сударь, стол уж накрыт. Барин гневается.

И Ульрика Карловна сразу обратилась в благовоспитанную немецкую барышню. Пошла вперед чинными шажками, потупив взор и сложив руки поверх батистового передничка, обязательного для добропорядочных девушек. Однако губки Ульхен были плотно стиснуты, а щечки ярко-розовы, и Катин знал, что опасный разговор будет иметь продолжение. В Гатчину, положим, с этой взбалмошной фрейляйн он не побежит, но как прикажете после случившегося учить ее латинской грамматике, русскому письму и французскому разговору?

* * *

Важным гостем оказался бывший сослуживец хозяйина по прусской армии, адъютант короля Фридриха господин фон Кауниц. Он прибыл в российскую столицу с миролюбивым письмом от своего монарха. Два месяца назад Россия объявила войну Пруссии, которая напала на союзную нашей державе Австрию, но пока что сражались между собой только немцы, а государыня собираться с походом не торопилась, и у короля оставалась надежда на примирение.

Именно это объяснял хозяину герр фон Кауниц, когда Луций и его воспитанница вошли в столовую. Остановившись на пороге, они стали ждать, чтобы полковник удостоил их внимания. Порядки в семье Буркхардтов были военные.

Еще двое присутствующих, супруга полковника и его ординарец поручик Бозе, участия в беседе не принимали: Анна Леокадьевна по плохому знанию немецкого, а поручик по неразвитости ума. С этим клеветом

полковник почти никогда не расставался: на службе — потому что за три года Буркхардт не выучил и двадцати русских слов и Бозе, родом лифляндец, состоял при нем переводчиком; дома же сии неразлучные аяксы вместе пили пиво, курили длинные трубки и азартно играли на биллиарде. За выигрыш поручик получал полтину, за проигрыш — пинок под зад, после чего оба залиvisto хохотали. Такое времяпрепровождение бравым кавалеристам никогда не надоедало.

Наконец Буркхардт молвил:

— А вот и моя Ульхен со своим персональным ментором, герром Катин. Он академический профессор и дворянин.

Ульрика, настоящая паинька, сделала церемонный книксен. Произведенный в профессору «герр Катин» (в обычное время хозяин дома именовал его попросту «hey, Sie!» — «эй, вы!») почтительно поклонился, вслед за чем на него перестали расходовать внимание. Теперь следовало дожидаться момента, когда полковник обратится к «ментору» по-французски (всегда с одной и той же фразой) и ответить что-нибудь, непременно на латыни. Потом можно рассеяться и остаток трапезы думать о своем — более никто не беспокоит.

Миссия поручика Бозе состояла в том, чтобы энергично кивать на всё сказанное начальством да тихо приговаривать: «O ja, ja!» С более трудной задачей ординарец, пожалуй, и не справился бы. От русской супруги ожидалось лишь руководство подачей блюд. Дочке надлежало смотреть в скатерть и не стучать ложкой. Таким образом в беседе участвовали только хозяин и гость.

Тема, впрочем, была любопытной — о привычках и причудах прославленного прусского государя, и Луций слушал с интересом.

Его величество, говорил фон Кауниц, всегда поднимается затемно, в четыре часа утра, и начинает день с игры на флейте, дабы настроить ум и чувства на гениальный лад. В это время, под звуки Гайдна иль Баха, он вырабатывает свои великие, парадоксальные планы, заставляющие восхититься одну половину Европы и ужаснуться другую. С восьми до десяти король пишет. Затем лично руководит разводом и маршировкой гвардии, а после простого, солдатского обеда — стрельбами и штыковым обучением. Одет титан в потертый, заплаканный мундир, сапоги его стоптаны, треуголка выцвела. Вся Пруссия чтит Фридриха за бережливость, и никто не ропщет на подати, зная, что монарх во всем себе отказывает. Недавно, с умилением рассказывал гость, произошла история, заставившая многих проследиться. Вдова некоего офицера подала королю в руки прошение о пенсии, которую покойный не успел себе выслужить и потому оставил семью без средств к существованию. «Я не могу удовлетворить вашего ходатайства за казенный счет, ибо закон есть закон, — отвечивал Фридрих, — отказать же вам не дозволяет милосердие. Мы сделаем вот как. Я откажусь от послеобеденного шоколада, который обходится в один талер, и велю, чтобы сэкономленные деньги выплачивались вам в виде пенсии».

— Изрядно, — сказал на это полковник Буркхардт. — И умно, раз все услышали и разнесли.

— О ја, — поддакнул поручик Бозе, после чего рассказ о великом Фридрихе полился дальше.

Внимательно слушая, Луций не забывал лакомиться блюдами, которых в кухне для слуг не подавали: трюфельным супом, паштетом, французскими сырами. Стол был обильный, в расчете на высокого гостя, и

свечей горело не шесть, как в обычные времена, а двадцать четыре. Хозяин и королевский адъютант сидели на почетных торцевых местах, супруга и поручик — по одну широкую сторону стола, учитель с ученицей по другую, причем Луций оказался прямо напротив Анны Леокадьевны, которая, томясь скукой, то и дело бросала на молодого человека быстрый взгляд из-под ресниц.

Он же нимало не сучал. Разговор повернул на большую политику и был, пожалуй, поразителен по своей откровенности.

Формально собеседники состояли на службе в двух враждующих армиях, но герр фон Кауниц обращался к герру Буркхардту, словно к доверенному другу.

— Глядите, как поворачивается война, — говорил он. — Наши союзники британцы бьют французов в американских колониях и на море. Тем временем мы разгромили саксонцев и управимся с австрийцами, прежде чем Россия подготовится к дальнему походу. Поскольку делить с вашей государыней нам нечего, мы благополучно замиримся, после чего спокойно займемся Францией.

Полковник супил бычий лоб, он так быстро соображать не умел.

— К чему вы ведете, дружище?

— К тому, чтобы вам взять у русских отставку и вернуться к нам. Хорошие полковые командиры нынче в цене. Жалованье у нас выше, а шансы на выслугу из-за потерь превосходные. Не успеете оглянуться — вы уже генерал. Право, обидно в такое золотое время прозябать в русском болоте.

Не обидевшись на эти слова, пожалуй, зазорные для его мундира, Буркхардт раздумчиво молвил:

— Жалованье у русских, конечно, всего 600 рублей в год, но на него никто из командиров и не живет. Зато я распоряжаюсь всей полковой кассой, всеми закупками и подрядами, так что имею больше, чем ваш командир дивизии. Глупо от такого отказываться.

Тогда гость поменял тактику:

— Разве в одних деньгах дело? А удовольствие состоять в первой армии мира, где всё работает как часы? Какие у нас офицеры, какие унтер-офицеры! Какая честь повиноваться величайшему полководцу! Ей-богу, подавайте абшид начальству и едемте со мной! Я уже уговорил здесь нескольких природных немцев. Не позволяйте им получить перед вами первенство.

Нет ли тут побуждения к измене долгу и присяге, подумалось Луцию, но более в отвлеченном смысле. Как человек просвещенный и вольномыслящий, он, конечно, не придавал важности подобным замшелостям.

Полковник посмотрел на учителя и произнес ту самую единственную фразу, которую знал из французского:

— *Qu'en pensez vous, monsieur professor?**

Наступила минута секундировать хозяину.

— *Le roi de Prussies'engage dans une voie dangereuse***, — отвечал Луций на том же языке, а затем, как требовалось, вставил латинское: — *Bellum contra omnes?**** — Пожал плечами, перешел на немецкий. — Вам ли с вашим умом, достопочтенный господин полковник, не понимать, чем оканчиваются подобные затеи?

* Что вы о сем думаете, г-н профессор? (*фр.*)

** Король прусский ступил на опасный путь (*фр.*).

*** Война против всех? (*лат.*)

Буркхардт ничего не понял, но глубокомысленно кивнул. На сем миссию можно было считать исполненной, но когда гость спросил «герра профессора», чем же так опасен избранный королем путь, Луций не удержался от искушения блеснуть.

— Сколько жителей в Прусском королевстве?

— Около шести миллионов человек, я полагаю.

— А в землях противников вашего отечества, Франции, Австрии и России, проживает не менее пятидесяти миллионов. К тому ж воевать вам придется на трех фронтах — южном, восточном и западном. Пруссия будет подобна жонглеру, который подбрасывает слишком много яблок. Которое-нибудь обязательно упадет.

Совсем немного рисуясь, Луций взял из вазы три румяных яблока и ловко стал их подкидывать — искусство, которым он в свое время стяжал себе славу среди академических пансионеров.

— У вас однако ж ни одно яблоко не падает, — остроумно возразил гость. — А мой король ловчей всякого циркача.

— Пока на него не напал чих иль не зачесалось ухо, сиречь не приключилось некое затруднительное и непредвиденное обстоятельство.

Луций почесал себе ухо, и яблоки одно за другим покатались на пол.

Карой за импровизированное представление был грозный взгляд хозяина, недовольного тем, что ничтожный учитель так надолго завладел всеобщим вниманием; наградою — признательная улыбка хозяйки, которая не поняла ни слова, но обрадовалась развлечению. С восхищением глядела на жонглера и юная Ульрика Карловна.

Но последствия маленького триумфа были таковы, что Луций скоро потерял нить политического разговора. Он подвергся двойному нападению.

Сначала Ульхен тайком, под скатертью, взяла его за руку и стала нежно гладить пальчиком ладонь. Вызволить плененную часть тела было невозможно. Еще хуже повела себя Анна Леокадьевна. Немного приспустившись на стуле, она достала разутой ножкой до колена молодого человека, да в такой позиции и осталась, при этом обратив невинный взор на своего супруга.

Надо приискать другую службу, предавался унылым мыслям плененный с двух сторон герой. Этот дом чересчур наполнен чувственным эфиром Флогистоном.

Природная справедливость требовала признать, что отчасти он сам в том виноват. Неразумно и безнравственно было уступать домогательствам госпожи полковницы. Обвинение в безнравственности Луций, впрочем, сразу же отвел как неискреннее. Угрызений совести он не испытывал. Во-первых, хозяйка сама однажды ночью явилась к нему на чердак и глупо было изображать Иосифа Прекрасного. А во-вторых, её Потифар, дубина и грубиян, вполне заслужил головной убор рогоносца. Но флюиды страстолюбия, которыми наполнился дом, неким мистическим манером затронули незрелую душу Ульрики Карловны, и положение, в котором теперь оказывался Луций, становилось нестерпимым.

Девичий пальчик щекотал ему запястье, а нога мачехи, продвинувшись еще дальше, начала вытворять штуки вовсе скандальные, и Катин торжественно дал себе зарок отныне и всегда относиться к женскому полу как к сестрам и не иначе. Новую службу он найдет в доме, где ученик будет отроком, а хозяйка — пожилой добро-

детельной дамой, привлекательной исключительно душевными свойствами.

— Вы устали сидеть за столом? — галантно обратился гость к госпоже Буркхардт, совсем утонувшей на своем стуле. — Не перейти ли нам в курительную комнату после столь превосходной трапезы?

Поручик перевел сказанное, и Анна Леокадьевна, шаркнув под столом туфелькой, распрямилась.

— Ступайте, господа. Я принесу вам своей особенной настойки.

Все поднялись, а полковница, кинув на учителя косяк, многозначительный взгляд, сказала:

— Луций Яковлевич, вы ведь табаку не курите? Помогите мне, сделайте милость. Я возьму графин, а вы рюмки.

Отлично зная, что последует дальше, Луций все же смиренно поплелся за Цирцеей, ибо растревоженный ножкой Флогистон совершенно изгнал из его головы благо-разумный Рационий.

За первым же поворотом коридора Анна Леокадьевна втокнула молодого человека в кладовку, прикрыла дверь и, тяжело дыша, принялась срывать с него одежду. «Быстрее, быстрее, — шептала она. И еще почему-то: — Несносный, несносный...»

Ее руки крутили его, как куклу, и через несколько мгновений обезволивший Луций остался в одних чулках до колен.

— Сейчас умру, — предупредила Анна Леокадьевна, привалилась спиной к полкам, на которых тесно стояли бутылки с наливками и банки варенья, рывком подняла юбку и притянула к себе Луция, который, окончательно покинутый Рационием, уже ни о чем больше не думал.

Вдруг нагую спину обдало сквозняком. Обернувшись, Катин увидел в дверях Ульрику Карловну. Ее прыщавое личико по-волчьи щерилось.

— Я знала, — прошипела девица. — Знала...

И во всю глотку завопила:

— Vati! Vati! Herbei!!!*

Крик был столь отчаянным, что уже через мгновение в коридоре грохотали сапоги. Луций обернулся на окоченевшую соучастницу, наклонился к разбросанной одежде, понял, что надо либо одеваться, либо бежать как есть, но промешкал, не сделав ни того, ни другого. Время было упущено. На пороге возникли полковник с ординарцем. Первый вылупил глаза, второй разинул рот. Сзади появился еще и пруссак, сразу уяснивший значение сей живой картины и заухмылявшийся.

Пойманные любовники повели себя разное. Верней сказать, Луций вовсе никак себя не повел, а лишь смежил веки, понадеявшись, что всё это дурной сон и сейчас наступит облегчительное пробуждение. Хозяйка же проявила отменную находчивость. Она окарябала острыми ногтями Луциеву щеку и присоединила к воплям падчерицы истошный визг.

— Спасите меня! Этот зверь затащил меня сюда, оскорбил мое целомудрие видом своей наготы и попытался овладеть мною!

— Она врет! Она сама! — заверещала Ульхен.

Гибну, понял наш герой. И поступил единственно возможным образом.

— Госпожа полковница говорит правду. Я накинулся на нее в помрачении рассудка. Позвольте мне покинуть сей дом.

* Папенька, папенька, сюда! (нем.)

— Ну и профессора у вас в России, — успел заметить герр фон Кауниц, прежде чем началось землетрясение.

Предложение учителя осталось неуслышанным. Полковник обозвал оскорбителя срамным словом *Dreckskerl*, пообещал умертвить собственными руками, после чего немедленно приступил к исполнению кровавого намерения.

Однако умертвить Луция было не так просто. Покойный родитель еще в мальчишестве обучил его искусству азиатского рукопашного и ногопашного боя, называя эту суровую науку прискорбной, но необходимой спутницей всякого самоуважительного мужа. В свое время это знание очень пригодилось сироте в пансионе для защиты своего достоинства от старших воспитанников. Не раз надобилось оно и в дальнейшем, ибо жизнь груба, а многие люди невнятны к разумному слову.

Кулаки Буркхардта попусту рассекали воздух, не могучи поразить ловко уклоняющегося противника. Не поспособствовал делу и поручик Бозе, растопыривший свои ручищи. Нырнув под локоть полковника и сшибив пинком на пол ординарца, Луций прорвался из кладовки на относительный простор коридора, где улыбающийся фон Кауниц посторонился, не желая препятствовать ретираде «герра профессора».

Но полковник заорал на весь дом, созывая прислугу:

— Эй! Сюда! Держи его! Шпагу мне! Я убью эту свинью!

Легкий, почти невесомый в своем перевозданном наряде, Луций кинулся было вверх по лестнице, чтобы достичь своего обиталища и чем-нибудь прикрыть наготу, но весь дом наполнился криком и топотом. Чердак обратился бы ловушкой.

Молодой человек опять бросился вниз — и наткнулся на своих гонителей, только теперь у полковника и поручика в руках блистала сталь, а сзади размахивал саблей еще и хозяйский денщик. На стене обширной комнаты, где Луций столкнулся с враждебной ратью, было развешано много всякого оружия — помещение именовалось Рыцарской Залой. Но Катин-старший был противником душегубства, свято чтит право всяческого существа на неприкосновенность жизни и привил эту веру своему сыну. Фехтовать и рубить Луций не умел, да и не стал бы, даже ради спасения жизни.

Путь был только один — бегство.

Преследуемый звериным рыком и булатным лязгом, молодой человек вихрем пронесся через анфиладу комнат в заднюю часть дома, вылетел в белый, заснеженный сад и, хоть был в одних чулках, не ощутил холода. Сзади нагоняла смерть.

— Хватай его! Бей! — кричала она.

А Луций в сей момент страшился не смерти, но постыдности. Позорно и нелепо сгинуть голозадым Петрушкой в сем низменном балаганном действе. Как мог он, почитатель философии, угодить в столь дурновкусное злключение!

Натура нашего героя была такова, что и в самом отчаянном положении он не утрачивал способности к рассуждению, иной раз сам на себя удивляясь.

Вот и сейчас, проворно несясь через темный сад, он вспомнил поучения отца. Тот говорил, что злключения бывают только с людьми злыми, а всякому доброму человеку любое приключение, пусть даже жестокое, должно представлять доброклучением, ибо оно чему-то поучает и укрепляет душу. Ежели когда-нибудь доведется

продолжить свое жизнеописание, надо будет переменить заголовок, подумал Луций.

А еще ему пришло в голову: вот он бежит среди ветвистых деревьев, гол и бесприютен, но не в том ли заключается естественное человеческое состояние, вернуться к которому призывает великий Жан-Жак?

Впереди показался забор, огораживавший усадьбу. Луций с разлету вскарабкался на это препятствие, прыгнул вниз и в растерянности огляделся. В саду еще можно было вообразить себя среди природы, но здесь, на улице, меж каменных домов и тротуарных тумб, нагой беглец понял, что пропал. За изгородью, совсем близко, уже шумели преследователи. Куда денешься от них в городе? Что тебя спасет?

Разве чудо...

Глава II

*Герой встречается с феей, подвергается
соблазнам и побуждается к выбору
меж двумя эфирами*

Стоило Луцию помыслить о чуде, и оно немедленно явилось в самом наглядном образе.

Из-за поворота улицы выкатилась волшебная карета. Она вся была словно озарена сияющим нимбом: покачивающиеся фонари рассыпали блики по золоченым стенкам и широким сверкающим стеклам; шестерка превосходных белых лошадей ладно и звонко цокала копытами по прихваченной ледком мостовой, сбруя и плюмажи переливались разноцветными искрами.

Адепт материалистических учений не усмотрел в появлении великолепной колесницы ничего чудесного, но лишь кстати явившуюся возможность спасения. Поражаться времени и не было — над забором уже возникла свирепая физиономия поручика Бозе.

Луций побежал, готовясь запрыгнуть на запятки, и, когда карета поравнялась с ним, ловко осуществил этот непростой маневр — подскочил, ухватился за поручень

и оказался на задней скамеечке, где в теплое время года, верно, восседали запятные лакеи.

Лифляндец с денщиком спустились с забора и потрясали орудиями убийства, но за двадцатью четырьмя лошадиными копытами сим двуногим было не угнаться. Катин расхохотался и показал своим незадачливым гонителям нос: нате, выкусите.

Что будет дальше, молодой человек пока не задумывался. Черной неблагодарностью было бы вопрошать об этом Фортуну, которая только что спасла тебя от гибели.

Разгоряченный бегом Луций еще не чувствовал холодного ветра, а задняя стенка экипажа, к которой он прижимался грудью, оказалась теплой — внутри, должно быть, горела печка.

Задаться вопросом о дальнейших своих акциях Катин так и не успел. События неслись сами собой и престоимительно, даже опережая быстрый ход его летучего ума.

Створки на заднем окне раздвинулись, меж ними явилось дамское лицо — немолодое и нестарое, а того интересного возраста, когда по женщине еще можно увидеть, какую она была девочкой, и уже можно угадать грядущую старушку. Незнакомка испуганно воззрилась на атланта, вцепившегося руками в края кареты, и произнесла некое беззвучное слово. Луций растерянно поклонился, причем стукнулся лбом о стекло.

Тогда дама перестала его бояться, подняла раму и высунулась высокой напудренной прической вперед.

— Да он совсем голый, — молвила она. — Ах, суций Антиной!

Прикрывшись рукой, Луций присел, вконец сконфуженный.

Пассажирка сказала:

— Ты этак всё себе отстудишь, дурашка. Вот ведь комиссия!

Потом чем-то стукнула в потолок и прокричала:

— Эй, Семен, стой! Стой!

Карета замедлила ход.

Луций был ни жив, ни мертв, не зная, оставаться ему или бежать. Дама угадала его сомнение.

— Не бойся, садись в карету.

Он спрыгнул с запяток и поскорее прошмыгнул внутрь. Там в самом деле потрескивала чугунная печка, наверху светилась стеклянная лампа.

— Сядь напротив. Да не сжимайся, я уж всё видела, — засмеялась хозяйка экипажа. — Не думаю, чтоб ты всегда был столь застенчив. На-ко вот.

Она перекинула ему легкую соболью шубку, и Луций наконец вышел из естественного руссоистского состояния, отчасти вернувшись в лоно цивилизации, где, по правде сказать, почувствовал себя много лучше.

Дама с любопытством его рассматривала.

— Кто таков? Не обижайся, сударь, что я адресуюсь на «ты». Странно было бы «выкать» голому, хоть сразу видно человека из общества: золотистый парик по парижской моде, мушка на лбу.

У Луция посередине чела от рождения было маленькое коричневое пятнышко. Такое же, говорил отец, имелось у покойной матушки. Многие принимали родинку за наклеенную мушку, Катин к этому привык.

— Что за авантюра с тобой приключилась? Или ты всегда разгуливаешь по ночному Петербургу в одних чулках?

Луций открыл рот, но тут же закрыл обратно, не зная, что отвечать. Снова раздался смех.

— Незадачно окончившееся амурное происшествие, — безошибочно определила веселая дама. — Кровоточащие раны на ланите... — Надушенным платочком она осторожно провела по расцарапанной щеке Катина. — ... Нанесены женскими ногтями. Неужто какая-то дура противилась апрошам такого красавчика? Рассказывай скорей, с кем амурничал и что стряслось, не то высажу на мороз! Я сгораю от любопытства!

Менее всего Луцию хотелось рассердить свою спасительницу и вновь вернуться в природное положение, в холодную тьму, но против чести поступить он не мог.

— Прошу извинить мою неучтивость, вдвойне непростительную после услуги, которую вы мне оказали, и не стану оспаривать вашей проницательности — ваша догадка верна. Но я предпочту замерзнуть под забором, нежели предать оглашению имя той, кто счел меня достойным своей благосклонности.

— Обрел глас. И сколь складно излагает! — Дама глядела на молодого человека с живейшей симпатией. — Не хочешь говорить про свою метрессу — не надо. Ты сам-то кто? Из каких?

— Академический лицензиат Луций Катин.

Эта презентация повергла допросительницу в неудержимый хохот.

— Лицензиат... академический! — насилу выговорила она. — Ах, будет что матушке рассказать!

Эти слова Луция удивили. В почтенном возрасте, к какому принадлежала незнакомка, мало кто сохраняет доверенные отношения с матерью. Сколь похвально дочернее постоянство в немолодые годы!

— А, приехали, — сказала примерная дочь, глянув в окно.

Карета въезжала в ограду некоего дворца, наполовину покрытого строительными лесами. Подступы к сте-

нам были освещены огнями, пылавшими в смоляных бочках. Это же новый палац государыни императрицы, называемый «зимним», понял Катин, взглядевшись.

— Чья карета? — крикнул зычный голос.

— Ослеп? — ответил с облучка кучер.

Скрипнул шлагбаум. Карета покатила дальше.

— Куда вы меня привезли? — в беспокойстве вскричал молодой человек. — Ведь это резиденция ее величества!

— Я и говорю: будет чем повеселить матушку-государыню. Ты, дружок, покамест тут посиди. За тобою пришлют, коли Лизавета Петровна захочет на тебя полюбоваться.

— Как можно! Я не одет!

Смешливая дама снова фыркнула.

— Одетых кавалеров она во дворце видит много...

Распахнули дверь, спустили лесенку.

Перед тем как выйти, коварная спасительница приказала кому-то:

— Этого запереть. Смотрите, чтоб не сбежал.

Через открытую дверь послышалась разухабистая музыка. Во дворце заливались гудошники, стучали ложечники, звенели бубны.

Охваченный паникой лицензиат попытался придать себе сколь можно пристойный вид, но не слишком в том преуспел. Из невеликой шубы соорудил подобие юбки, связав рукава на чреслах. На плечи накиннул поднятый с пола коврик. Я похож на лапландского самоеда, уныло сказал себе Луций. И поделом мне. Предстать пред очами всероссийской самодержицы в сем шутовском наряде — справедливая кара за флогистонову распущенность. И вновь, теперь уже твердо, с призыванием в свидетели Фатума, дал зарок никогда более не смотреть на женский пол иначе как глазами брата.

Еще некоторое время Катин терзался предстоящим срамом, но никто из дворца за ним не приходил, в печке уютно потрескивал уголь, за окошками густо синела ночь, и на смену тревоге явилось философическое спокойствие. Что будет, то и будет, а трепетать по поводу неотвратимого — глупость, сказал себе наш герой. Потом устроился на сиденье с ногами, немного поворочался и скоро уснул.

* * *

Пробудило его щекотание на кончике носа. Открыв глаза, Луций увидел сначала край страусового веера, затем полную руку, державшую веер, а еще выше белело улыбающееся лицо хозяйки экипажа.

— Ныне матушке недомагается, не до тебя ей. Но много смеялась моему приключению, отчего отошли вапёры и поднялся гумор. Полегчало сердешной. Велела завтра тебя непременно доставить, но перед тем испытать, какой ты лицензиат.

Луций почувствовал несказанное облегчение. Завтра он явится во дворец не самоедом, а в приличном виде. А что до испытаний, то их академический выпускник не страшился.

— В каких науках вам будет угодно меня экзаменовать — античных иль современных, земных иль небесных?

Для своих лет дама была все же чересчур легкомысленной — на простой и естественный вопрос опять сложилась пополам, замахала на Катина рукой и ничего не ответила. А что, спрашивается, смешного?

Поехали от Зимнего прочь — по набережной, вдоль черной Невы, не сказать чтоб далеко, до Партикуляр-

ной верфи. Там тоже была ограда из копий, ажурные ворота, а за ними дворец — поменьше царского, но тоже изрядный.

Внутри чертог был еще нарядней, чем снаружи. Во всю свою двадцатитрехлетнюю жизнь Луций не видел обиталищ роскошнее. Пол здесь был мрамор, стены обиты разноцветными бархатами, повсюду превеликие зеркала в золотых завитушках, да бронзы, да хрустали, да переливчатые порфиры.

А хозяйка волшебного замка являла гостю всё новые чудеса. Провела его галереей, с пола до потолка увешанной живописными полотнами, каждое из которых Луций желал бы рассмотреть; затем мавританской залой, где журчал алебастровый фонтан; далее — пышноцветной оранжереей.

— Пока тебе приготовят покой, отогрейся в ванной, — сказала добрая фея.

С этими словами она ввела его в обширную комнату, украшенную на манер турецкого сераля, и наш герой

собственными глазами увидел инженерное чудо, о котором прежде только читал в книгах: механизм изливал из одного медного рога горячую воду, а из другого холодную. Смешиваясь, они быстро заполняли фарфоровый резервуар в виде огромной кувшинки.

— Как устроен сей канализатор? — спросил Катин, трогая витые краны. — В подвале, верно, расположен нагреватель? И конечно же насос?

— Понятия о том не имею, — ответствовала владелица чуда, бросая в ванну какие-то зерна, моментально превращавшиеся в мыльную пену. — Залезай скорее. Жаль, если такой марципан заболит простудной лихорадкой.

Едва она вышла, Луций с наслаждением опустился в теплую, ароматную купель. Среди мыльных кружев он чувствовал себя парящим на высоконебесных облаках. Сколь неравномерна и причудлива экзистенция, думал лицензиат, блаженно смежив веки. Она то выкидывает человека нагого в хладную пустыню, то, сменив гнев на милость, нежит ласканием, однако истинный философ не устрашится аскез и не прельстится сибаритствами.

— Согрелся? — услышал он знакомый голос.

Сверху с улыбкой на него взирала та, которой он был обязан своим блаженством. Дама успела переоблачиться в златоалый китайский халат и снять накладную куафюру. Ее собственные русые волосы были покрыты шелковой сеткой.

— Позвольте, сударыня, узнать имя той, кто заботится обо мне приятнейшей родной матери? — спросил Катин.

Лицо дамы впервые омрачилось сердитой гримасой.

— Да ты дерзец! Какой еще матери? Ну-ка, сдвинься!

Халат с шелестом соскользнул на пол, и хозяйка предстала перед обомлевшим молодым человеком в со-

вершенной натуральности. Перенеся полную, румяную ногу через край ванны, фея с плеском погрузилась в воду.

— Зови меня пока Маврой Егоровной, а я тебя нареку Королевичем. Вот и корона.

С этими словами она водрузила ему на макушку большой ком пены, потом притянула к себе Луция и стала целовать.

— Можешь называть меня Маврушей, — позволила она много позже, уже в опочивальне, среди растерзанных перин. — Испытание ты выдержал славно. Не лицензиат ты, а действительный академик. Будет о чем поведать матушке. Она до таких рассказов охоча.

Опершись на локоть, фея с умилением погладила сонного Луция по голове.

— Истинно говорят: наилучшие из красавцев те, кто не ведаёт о своей красе иль не удостаивает ее внимания. — Вздохнула. — Ладно, ступай, тебя проводят. На нынче с меня хватит. Я уж не такая сластена, как прежде. А спать я люблю одна.

Будучи ведом молчаливым, важным лакеем по коридорному лабиринту, Луций укорялся тем, что так быстро нарушил обет относиться к женщинам только как к сестрам. С другой стороны, для сестры Мавра Егоровна («Маврушей») он не посмел назвать ее даже мысленно) старовата. А и какой был выбор? Еще древний мудрец сказал: «Нет хуже греха, чем оскорбить того, кто сделал тебе благо». Льзя ль было обидеть добросердечную хозяйку отвержением ее перезрелых ласк? Он заслужил бы тем имя чернейшего из неблагодарных.

Мысль была утешительная, усталое тело требовало отдыха. Наш герой рухнул на подушки, рассудив, что додумает обо всем этом завтра. Утро вечера мудренее.

* * *

И утро настало прямо в следующее мгновение. Только что он задул свечу, лег, сомкнул ресницы, как тут же раскрыл их — а уже светло и даже не рано. Каминные часы показывали ровно десять. Должно быть, их тренькание и пробудило Луция.

Он сел на мягкой постели, осмотрел хорошенькую, как шкатулку, комнату и увидел, что на кресле разложена будто сама собой явившаяся одежда — что-то персиковое с позолотой.

Потом молодой человек умывался в примыкающем туалетном кабинете, где кроме самолюющей воды обнаружился еще и настоящий вассерклозет. Луций исследовал его устройство с великим интересом, восхищаясь хитроумной инженерией.

Вышел — на столике чашка с дымящимся шоколадом. Выпил, оделся, погляделся в зеркало — и остался собою недоволен. Из венецийской рамы на него пялился расфуфыренный хлыщ в золотистой жилеточке и кокетливом камзоле с перламутровыми пуговками.

Как низко я пал, горестно сказал себе Луций. Ряженая кукла в кукольном домике! Куртизан! Игрушка для разврата!

Самоугрыzenie — горькая услада всякого взыскательного ума, но Катин не успел как следует ею напитаться. В дверь сунулась напудренная голова лакея, и молодому человеку было объявлено, что ее сиятельство велит пожаловать.

Стало быть, Мавра Егоровна — сиятельство, думал Луций, следуя за провожатым. Что ж, неудивительно, если бы и светлость.

Хозяйку он нашел в будуаре, свою обширностью подобном танцевальной зале. Мавра Егоровна сидела за столом, с пером в руке и почему-то в бархатном домино на лице.

— Прости, милаша, за сие, — молвила она, коснувшись маски. Тон ее был деловит. — Утренняя Аврора в мои годы нельстива. Покажусь тебе после, когда со мною управится мой француз. Пока ж хочу устроить твою судьбу. Не лицензиатом же тебе оставаться. Думаю вот, какому полковнику отписать. Ты в котором регименте желаешь состоять — кавалерийском иль пехотном? Не хочешь — ступай во флот, как мой младшенький. Ему семнадцать, а уже лейтенант. Что мундир-то у них хорош, прелесть!

— Я не расположен к войне и военным занятиям, — отвечивал Луций.

— На войну тебя никто и не пустит. Пускай дураки и некрасивые воют. Но у нас в России без службы нельзя, иначе кто ты такой? Определить, что ли, тебя в конногвардейцы?

— Я на коне неважно езджу.

В дверь деликатно постучали.

— К вашему сиятельству Степан Федорович Фермор. Хорошая фея воздела перст.

— О! Судьба сама дает подсказку. Се командир Семеновского полка. Мундир у семеновцев тоже недурен, в самый раз к твоим лазоревым глазкам. — И велела слуге: — Веди генерала в малую гостиную. Скажи, скоро буду. А ты, Королевич, подожди здесь.

Взволнованный, Катин принялся расхаживать по комнате, ругая себя за малохарактерность. Надобно было решительно объявить, что военного мундира он

никогда и ни за что не наденет! Ведь взявший в руки оружие отвергает самый принцип человеколюбивости!

Догадываясь, что Мавра Егоровна подобных сентенций выслушивать не станет, он решил изложить их в записке, ибо написанное слово весомее изреченного. Оставить декларацию на столе — и удалиться. Это будет поступок не куклы, не игрушки, но достойного мужа с твердыми убеждениями.

На столе рядом с чернильницей лежало письмо, адресованное «Ее светлости графине Мавре Егоровне Хавронской».

Ах, вот это кто!

Луцию стало понятно, почему хозяйка дворца запросто ездит к государыне и может распоряжаться гвардейскими полковниками. Всему Санкт-Петербургу известно, что российской державой управляют женщины, входящие в ближний круг ее величества. Наисильнейшая из них, наибожественнейшая к державной особе — царская кузина Хавронская. Ни одно значительное назначение, ни одна перестановка в верхах не свершается без ее участия. То-то к ней сам начальник лейб-гвардии Семеновского полка генерал-аншеф Фермор с утра ездит и дожидается, пока примут.

Может, так тому и следует быть — чтобы миром правили женщины, а мужчины послушно исполняли их волю? Известно, что материнское сердце великодушнее и себяотверженнее отцовского и что женщине естественнее являть на свет человеков, нежели отправлять их в тьму. Взять хоть правление кроткой государыни Елисаветы и ее пусть легкомысленных, но не злоторных подруг. Россия — единственная страна мира, где не существует освященного законом смертоубийства, называемого смертной казнью. И еще: сколько лет рус-

ские уже ни с кем не воюют, когда европейцы беспрестанно бьются между собою. Ведь и нынешняя война, в которую Россия вступила единственно из союзнической верности, то есть по призыву чести, является войной разве что по названию. Дерутся пруссаки, австрийцы, британцы, французы, саксонцы, а мы лишь шлём королю Фридриху укоризненные манифесты и даже вон ведем миролюбивые беседы с его адъютантом.

Да хоть бы вспомнить и историю человеческого рода! Ученые авторы пишут, что матриархальная эпоха длилась много протяженнее патриархальной, а если о том не сохранилось упоминаний в анналах, то лишь потому, что в те времена ничего не происходило, сиречь никто никого не завоевывал, не строил пышных градов, не плавал за моря, не делал новоизобретений. И кому от того было хуже? Не являлся ли матриархат тем самым мирным, златым веком, о котором ныне вздыхают философы и мечтатели? И нужен ли людскому роду так называемый прогресс, если платить за него надобно кровью, муками и горем?

Эта идея, противоречившая всем привычным убеждениям адепта Просвещения, настолько потрясла Луция, что он позабыл о Мавре Егоровне и ее чиновном госте, ныне обсуждавших будущность лицензиата. Споря сам с собою — что лучше: прогресс или гармония — он перемещался мыслями то в дальнее прошлое, то в дальнее будущее и чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда большие напольные часы вдруг начали бить полдень.

Почти в ту самую секунду, словно по сговору с хронометром, в кабинет вошла Хавронская. Она была без маски, сильно посвежевшая и помолодевшая.

— Все устроено, — объявила графиня. — Степан Федорович нынче же запишет тебя гвардии прапорщиком.

Пока шьется мундир и собирается прочая экипировка, станешь подпоручиком, к рождеству получишь поручика, а дальше уж как себя покажешь на службе.

— Как я могу себя показать на службе, ежели не имею понятия о фрунте и воинских упражнениях? — пробормотал Луций, сообразив, что за гисторическими рассуждениями так и не написал своей декларации.

— Не на той службе, дурачок. На настоящей. — Мавра Егоровна поманила его пальцем. — Я вот красу восстановила, кофею попила и снова жива. Пойдем-ка в опочивальню. Порадуешь рабу божью.

Так вот в чем суть матриархата, открылось Катину. Когда не мы их, а они нас. Однако недостойной цивилизованного человека мысли наш герой устыдился и пошел на зов благодетельницы. Как было не пойти?

— Ну вот что, — объявила графиня, вволю нарадовавшись. — Передумала я. Не повезу тебя к матушке. Грех мне, скареднице, но не отдам тебя ей. Себе оставлю. Сейчас мне ехать во дворец, так я скажу, что лицензиат оказался пригож, да не гош. Авось позабудет про тебя, память у нее недлинная. А еще я подумала — прав ты. Незачем тебе вступать в гвардию. Будешь во дворце караул нести — обязательно попадешься ей на глаза. Она таких статных, сладких всегда отмечает... Ты говорил, что не расположен к военным занятиям?

— Совсем не расположен! — воскликнул Луций, потирая распухшие от поцелуев губы.

— И славно. Определю тебя по статской линии. В ту же Иностранную коллегию, где служил твой отец, да не толмачом, а на хорошую должность.

В первый миг Катин поразился, откуда она знает про отца, но сообразил: это же графиня Хавронская —

приказала, и всё ей вызнали. Поди, и про учительство у Буркхардтов знает. Возможно, и про вчерашнюю битву — шуму ведь было на весь квартал.

Мавра Егоровна глядела на юного аманта с нежностью.

— Никому тебя не отдам. Растревожил ты во мне что-то. Не только плоть, но и душу. Полюбила я тебя, Королевич. Уж и не думала, что смогу, а надо же. На немолодости лет сделал ты меня счастливою. Хочу отплатить тебе тем же. Скажи только, о чем мечтаешь. Я мало чего не сумею. Да не сразу отвечай, подумай. Вернусь из Зимнего — скажешь.

Истинно: волшебная фея, исполняющая любое желание, подумал Луций.

Оставшись один, он стал размышлять, чего же ему пожелать?

Быть фаворитом у фаворитки? Завидная доля. Еще лучшая, чем быть любовником самой императрицы. Тот на виду у всех, окруженный завистью и тайной враждой, вечно устрашаемый иными соискателями, которые могут и подсыпать отравы. Миньону графини Хавронской куда покойнее. Мало кто про тебя знает, а выгоды, считай, те же.

Чего ж захотеть?

Карьеры и чинов не надобно. Несметных богатств тоже. Утопать в роскошах? К чему? Зачем это умному человеку? Денег нужно столько, чтобы обрести от них свободу, не более.

Иметь небольшой, но славно устроенный дом — среди сада, с хорошей библиотекой. Читать мудрое, привольно размышлять об интересном, а после написать книгу, которой еще не бывало. Это ль не счастье? И нет ничего зазорного в том, что оно оплачивается некоей благоотво-

рительницей. Разве не так же проживает великий Жан-Жак, иждивенствуя за счет мадам Д'Эпинэ? Правда, эта просвещенная дама чтит философа не за постельные таланты, а за мудрость. Что ж, Мавра Егоровна уже полюбила душу своего протеже. Дайте срок — полюбит и его ум. Она будет первой читательницей грядущих небывалых книг!

Но безжалостный Рационий охолодил прельстительные мечты. «Не рано ль на двадцать четвертом году, еще толком не повидавши жизни и мира, обращаться в отшельные философы? — строго спросил сей трезвый собеседник. — Какие такие книги собираешься ты писать? О чем? О том, что вычитаешь в других книгах? Что ж тогда в твоих писаниях будет небывалого?».

И вечером, когда графиня вернулась из дворца, Луций заявил ей:

— Вы желали знать, какова моя мечта. Извольте. Отвечаю прямодушно, ибо не желаю оскорблять вас притворством. Хоть меня и влекут чары Флогистона, аромат коего вы столь приятно источаете, я желаю посвятить себя иному эфиру, Рационию.

— Говори яснее, — нахмурила лоб Мавра Егоровна. — Без аллегорий.

— Есть мечта, осуществления которой я и не чаял по скудости средств. Я почитал бы высшим счастьем изучать механику небесных сфер в прославленном Тюбингене, где обретаются лучшие на свете астрономы. Я выискивал бы новые звезды через могучий телескоп и составлял из них таблицы! Я высчитывал бы траекторию и ход светил! Я парил бы мыслями в бескрайнем космосе, пытаюсь разгадать его тайну и смысл! О, я был бы счастливейшим из людей...

Он вдруг осекся, увидев, что глаза его слушательницы наполняются слезами. Лицо Мавры Егоровны, обычно веселое и уверенное, сейчас выглядело потерянным, несчастным.

— Я расстроил вас? — пролепетал Катин. — Поверьте, я не желал этого, я всего лишь...

Она ладонью прикрыла ему рот, горько повздыхала и молвила:

— ...Что ж, пусть лучше завершится так, чем иначе. Я ведь не дура, я знаю, чем оно закончится. Однажды я застигла бы тебя в объятьях какой-нибудь юной сифиды, потому что природа есть природа. Я озлилась бы, сотворила тебе лихо, а после убивалась бы... Нет, королевич. Лиха тебе я не желаю...

И заплакала так горько, не по-взрослому, а по-девичьи, что у Луция разорвалось сердце.

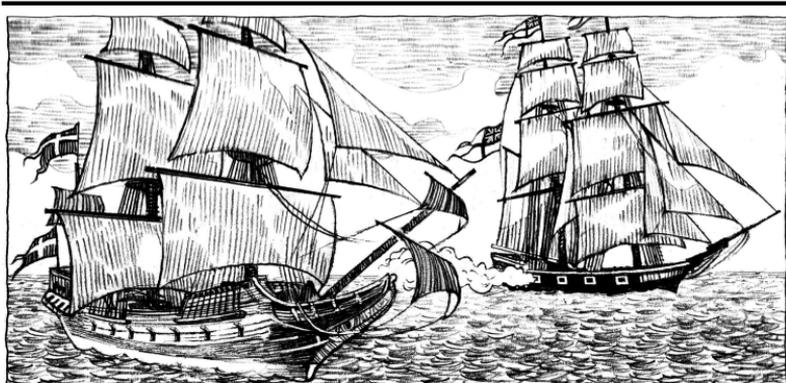
— Нет, нет! Это всего лишь мечта! Я останусь с вами! — воскликнул он и тоже заплакал.

Так вместе лили они слезы, и Мавра Егоровна вытирала их платком поочередно то себе, то своему возлюбленному.

Наплакавшись же, она погладила его по щеке. Грустно прошептала:

— Отпускаю тебя. Лети к своим звездам. Будь счастлив, королевич.

Глава III

Плавание героя по морским водам, сопровождаемое мирными беседами и глубокими размышлениями, оканчивается неожиданным образом

В Кронштадте будущий звездочет сел на нейтральный шведский корабль, который должен был доставить его до вольного города Гамбурга, не заходя во враждебные прусские порты. Оттуда Катин намеревался сушей добраться до Тюбингенского университета, прославленного именем великого Кеплера, автора «Космографической мистерии».

На прощанье путешественник был благословлен, усыпан поцелуями и облит слезами, а также экипирован всем необходимым и даже излишним. Кроме сундуков, баулов и восьми коробок с шляпами на все случаи, ему был вручен сафьяновый ларец, доверху наполненный золотыми червонцами.

Корабль «Сундсвалль», будучи судном торговым, не имел пассажирских помещений, но капитан согласился разделить со знатным вояжиром собственную каюту.

Сначала херр Лунд немного дичился русского богача, ожидая от него варварских непотребств, однако уч-

тивные манеры нашего героя скоро одолели это предубеждение. Когда же шкипер узнал, что молодой человек говорит по-шведски, да еще и наполовину швед, у сожителей установились самые приятные отношения.

Днем Луций разгуливал по палубе, с наслаждением вдыхая холодный морской ветер. Корабль он скоро изучил от трюма до верхушек мачт, по очереди вскарабкавшись на все три, и с позволения капитана даже выпалил из кормовой пушки.

Оказалось, что морем можно любоваться бесконечно. Вид безудержно вздымающихся волн был полон неизъяснимой приятности, а от качки Луций совершенно не страдал — наоборот, с наслаждением вздымался и опускался, будто в детстве на качелях. Капитан сказал, что у херра Катина моряцкая природа.

Луцию самому было жаль, что он не родился в семье моряка или хоть скромного рыбака, сызмальства приученного к текучей стихии. Суша тверда, недвижна, несвободна, разделена границами и шлагбаумами. Море безгранично и привольно. Отделившийся от берега челн способен уплыть куда угодно. Парус повлечет его вперед, не требуя овса иль сена. Питаться в море можно рыбой, а пить дождевую воду (балтийское небо изливало ее на треуголку и плащ Луция в изобилии). Он предавался мечтам о плавании по всему свету, с добрыми спутниками, а хоть бы и в одиночестве, наедине с величавой стихией.

По вечерам, сидя у заваленного лоциями и уставленного простой, но обильной снедью стола, под низким потолком, где раскачивался медный фонарь, кормщик «Сундсвалля» и его русский спутник вели неспешные беседы о всякой всячине: о европейской политике, о морской торговле, о Швеции, о России.

Мудрый капитан говорил, что его стране очень повезло, когда она проиграла войну царю Петру и перестала быть великой державой. Великие державы тратят все силы и деньги не на то, что внутри страны, а на то, что снаружи: желают подобрать под себя окрестные земли. Швеции, слава Господу, это больше не нужно. Пускай победители-русские теперь надсаживаются, держа огромную армию и флот. Конечно, и среди шведов дураков еще хватает. Многие скучают по былому величию — это как зуд в отсеченной руке. Она хотела бы схватиться за саблю, да нечем.

Плыли мирно, без опаски. До Гамбурга бояться некого, говорил шкипер. Но груженная сапожной кожей шхуна плыла дальше, до французского Гавра, а за датскими проливами шныряли английские корабли. Британцы не посмотрят на нейтральный флаг. Коли заподозрят, что товар предназначен для французов, — всё конфискуют, а шхуну заберут. Луций сочувствовал, но его эта напасть не касалась. Он ведь сходил раньше.

Ветер все время был норд-ост, попутный, и с четвертого дня пути берег, от которого корабль никогда не отдалялся более полутора миль, стал чужестранным — сначала курляндским, потом прусским. Катин с интересом разглядывал за границу, но на таком расстоянии она ничем не отличалась от отечества — блеклая линия песков с зелеными полосами леса и серыми пятнами селений.

Однажды, когда молодой человек стоял на шканцах, счастливый позволением держать штурвал, капитан показал:

— Видите разрыв в песчаной косе? Это проход в залив, где расположен Кенигсберг. Если б не война, мож-

но было бы сделать остановку. Однако прусские таможенники узнают, что мы заходили в русский порт, и начнется канитель.

Тут из пролива, на который он только что показал, выплыл юркий двухмачтовый корабль и косо пошел под бейдевиндом.

— Капитан, он срезает нам нос, — сказал вахтенный начальник.

— Пускай его, — беспечно молвил херр Лунд. — Пруссаки хорошие солдаты, но паршивые моряки. Шведа им не переманеврировать.

И попросил Луция:

— Пустите-ка вахтенного к рулю, друг мой. Поворот через фордевинд!

Корабль заскрипел, накренился.

Изменил курс и чужой корабль. Он быстро приблизился.

— Черт, для немца больно ловок, — пробормотал капитан теперь уже озабоченно, не отрываясь от трубы... — Ничего, это всего только бригантина о восьми пушек. У меня тринадцать. Сунется — отгоним. Досмотра я не допущу. Они заберут не только товар, но и вас, мой друг, как подданного враждебной державы.

Луций, до сего момента наблюдавший за происходящим с живым, но праздным любопытством, взволновался. Оказаться вместо университетской обсерватории в прусском плену ему вовсе не хотелось.

Получасом позднее преследователь почти сравнялся со шхуной, идя параллельно в трех или четырех кабельтовых.

На «Сундсвалле» открыли порты, предостерегающе высунули стволы пушек. При всей нелюбви к Марсовым воинственностям и оружию Луций отнесся к этой

демонстрации, означавшей «Не суйтесь к нам!», с полным одобрением.

Капитан нервно двигал желваками.

— Пруссаки никогда не трогают шведов! Их король боится, что мы вступим в войну на стороне Франции. Какого черта бригаantine от нас надо?

Ответ последовал в следующий же миг.

Борт чужого корабля окутался дымом, донесся гул выстрела, и прямо под бушпритом шведа высоко всплеснулась вода. Одновременно на корме бригаantины развернулся флаг: белый с красным крестом и с темным квадратом в верхнем углу.

— Английский приватир! — ахнул капитан. — Что он делает в восточной Балтике?

Вахтенный спросил:

— Открываем ответный огонь?

— С ума ты сошел! Это же англичанин! Он продырявит нас, как утку! Видал, как точно они положили первое же ядро! Спускать паруса!

Отдав это немужественное приказание, шкипер ринулся с мостика прочь.

— Куда вы? — крикнул Луций.

— Порву и выброшу накладные ассигнации для французского товара. Англичане наверняка устроят обыск... Ничего, бог милостив. По крайней мере вам, мой друг, опасаться нечего. Англия с Россией не воюет.

Шхуна сбавила ход, встала. Английский приватир, сиречь судно, снаряженное частными лицами по королевскому патенту для морской войны, покачивалось напротив, угрожающе наставив на купца четыре пушечных дула. С удивительной быстротой и слаженностью на воду опустилась шлюпка, в нее слетели по канатам вооруженные люди.

Настоящие англичане, думал Катин, уже не боясь, что его ссадят на берег. Молодой человек был даже рад возможности посмотреть вблизи на соотечественников великого Гоббса и премудрого Локка, сынов Вольной Хартии, граждан страны, где простолюдины пред законом равны вельможам и могут избирать своих представителей в парламент. Блаженно общество свободных людей! Они служат собственной державе не из страха и не из-под палки. Взять хоть этих моряков. Люди невоенные, приватные, они добровольно отправились защищать свое островное отечество в грозную годину. Не похвально ли?

Свободных граждан в шлюпке было десятка полтора. Впереди стоял, подымливал трубкой некто массивный, багроволицый — очевидно, предводитель. Гребцы, дружно вздымавшие весла, были обвешаны самым разнообразным оружием.

— Лучше б это был военный корабль, — мрачно сказал вернувшийся капитан. Он опоясался белым шарфом, нацепил шляпу с позументом.

— Почему? Разве мирные обыватели, каковыми являются эти люди, не мягкосердечнее военных?

Лунд вздохнул.

— Нет хуже хищника, чем обыватель, почуявший безнаказанную поживу. Эй, спустите им трап!

Скоро на палубу один за другим полезли англичане. Луций глядел на них с жадным любопытством, пытаясь угадать, кто эти люди в обычной жизни. Торговые моряки? Рыбаки? По тому, как неловко висели на них абордажные сабли, мушкетоны и пистолеты, было видно, что они не слишком привычны к оружию.

Мордатый начальник крикнул что-то зычное на своем неблагозвучном наречии.

— Велит всем быть около своих вещей и ждать, — перевел капитан, учтиво приподнял шляпу и тоже заговорил на английском. Луций пожалел, что не удосужился выучить этот малоупотребительный и, говорят, несложный язык.

Не ответив на поклон, британский капитан вертел короткой шеей и раздувал ноздри, будто принюхивался. Что-то буркнул. Херр Лунд повел его в свою каюту. Следом направился и Луций — велено же было находиться подле своих вещей.

Но в каюту молодого человека не допустили. Часовой грубо остановил его, наставив дуло. Луций попытался объяснить по-немецки, но англичанин не понял. Тогда наш герой сказал по-французски, что квартирует в этом помещении.

Тут дозорный оживился. Сначала спросил непонятное:

— Ар ю а френчи?

Потом прибавил:

— Франсе?

— Нет, я русский. Санкт-Петербург.

Англичанин отвернулся, махнул рукой: стой.

Из-за двери неслись голоса: один требовательный, второй жалобный.

Потом оба капитана вышли.

— Требуется отвести в трюм, — кисло шепнул херр Лунд. — Я должен доказать, что груз не для французов. Иначе конфискуют.

Луций был неприятно удивлен.

А как же право? Разве не гласит великий принцип британского правосудия, что доказательство виновности — забота обвинителя? Надо будет напомнить об этом английскому начальнику, когда он вернется.

В каюту вместе с ним вошли трое приватиров — тот, что давеча наставлял ружье, и с ним еще двое. Готовый